Таня Марея

Парные шрамы. Ты-не моя война.

Таня Марея

Парные шрамы. Ты-не моя война.

https://litres.ru/74728728
SelfPub; 2026

Аннотация

Парные шрамы. Ты - не моя война.

Это не история болезни. Это история о том, как она научилась спасать и не заметила, как перестала жить. История о том, как потом училась отпускать. О видимых и невидимых шрамах. О материнской усталости, о которой не принято говорить. О самом запретном гневе и о самом трудном праве - на жизнь, где есть не только он, но и она.

Для тех, кто устал быть сильным. Кто прячет слезы в ванной. Кто любит вопреки - и не ждет за это медаль.

Таня Марея
Парные шрамы.
Ты-не моя война.

Парные шрамы. Ты — не моя война

Твои швы видны миру. Мои — скрыты внутри.

—

Знаешь, я иногда думаю: если бы мне сказали тогда, в первый год, что я буду вспоминать это время с тихой нежностью — я бы не поверила. Я бы закричала. Я бы, наверное, ударила.

Первый год. Я помню его не по месяцам и не по датам — он хранится во мне плотными слоями, как геологические породы. Верхний слой — страх. Бесконечный, обволакивающий, как туман над болотом: входишь в него и не видишь собственных рук. За ним — слой вины. Тяжёлый, вязкий. Каждый шаг требует усилия. Каждое слово — будто вытаскиваешь из груди кусок металла. А глубже — то, что не имеет названия.

Тёмное. Вязкое. То, куда не хочется опускать руку.

Я помню этот год острыми обрывками, наложенными друг на друга.

Я помню звуки и запахи первых встреч — чужих, за стеной, не с тобой.

Я помню белый подоконник, который не выдерживал следы моих яростных ударов по нему.

Помню свои обессиленные, запутавшиеся глаза, которые отчаянно искали хотя бы намёк на твоё присутствие в пустой люльке у тёмного окна. Но взгляд каждый раз упирался только в холод и парадокс.

Я помню долгожданную выписку с тёплым конвертом, в котором тихо свернулась новая маленькая жизнь, но она была не у нас. Помню цветы, которые так и остались стоять в чужой вазе, пока я бежала по коридорам, не к парадному выходу, улыбкам и дому, а в противоположную сторону.

К тебе. В кардиореанимацию.

Вместо счастья — тревога, липкая и вязкая, как смола.

Вместо нежных бессонных ночей рядом с тобой — металлический взгляд врачей и сомнения, произнесённые вполголоса. Вместо тёплого запаха новых смыслов — разрывающая в клочья равнодушная фраза: «Не привыкайте к нему».

Я слышала каждое слово. Слышала даже то, что не должна была слышать.

—

Я слышу протяжный детский хрип, писк сердечного монитора и острый крик медсестры «Беги!» — и я бегу. На свинцовых, словно чужих ногах, в сакральное таинство реанимации, чтобы одним рывком доверить руками врача тряпочку-ребёнка.

Коридор с зелёными стенами, как в спутанном страшном сне, не кончается — он только удлиняется, растягивается, как резина. Я в исступлении бегу по нему, а он только длиннее и, словно насмехаясь, создает из себя, стен и потолка хрупкий просвет к смыслу. И в этот миг мир, который я знала «до», идёт трещинами. Не раскалывается — а именно трескается, как лёд под ногами: ещё держит, но уже видно, что под ним — чёрная вода.

Тонкая линия жизни вдруг сворачивается до единственной точки в твоих и моих зрачках, схлопывает время и оставляет нам только эту секунду. Всё лишнее, что раньше казалось таким важным, теряет контур и становится белым фоном. Всё шелуха, сор, пыль на подоконнике. И остаётся одна вертикаль: спасти.

Всё. Финиш.

Я — чистый лист, где в центре точка.

Жизнь — чистый лист, на нём по краю неопределённость.

Я умерла и воскресла в этот миг. И что делать, чтобы моя жизнь обрела смысл, я тогда точно знала — спасти.

Я училась считать время ударами сердца — не своими, а твоими. Десятый час ты внутри ожесточённого спора жизни и смерти, прикован к операционному столу; а я снаружи, прикована к старой стене перед операционной, где нет ничего, кроме молитвы и онемения. Люди вокруг пьют кофе, смеются, обсуждают погоду.

Странно: мир не останавливается, когда к тонкой, податливой груди моего ребёнка прикасается скальпель хирурга, разрезая кожу и раздвигая кости, чтобы приказать новому сердцу «живи». Мир просто продолжает вращаться с оскорбительным равнодушием.

И я учусь жить в этом равнодушии, не ожесточаясь. Учусь быть мягкой там, где всё обожжено. Учусь не падать в неизвестность.

А потом — реанимация. Часы, которые не идут, а стоят на месте, как вода в затопленном подвале. И ты — крохотный, такой хрупкий и уязвимый, обвешанный проводами, как инопланетянин, как существо из другого мира, куда меня не пускают. Я до боли в глазах изучала твои мягкие сизые пяточки, заталкивая внутрь дикое желание укутать тебя, со-

греть и стереть эту синеватую дымку с твоей кожи. Рука судорожно искала тёплый плед, но с ужасом замерла в признании, что он нам сейчас не поможет. И я просто осторожно держала тебя за палец.

Один палец, такой родной, живой, смелый.

Это всё, что мне разрешали. Лишь несколько минут.

А по ночам, прижимаясь лбом к ледяному оконному стеклу, я закрывала тяжёлые глаза и замирала в темноте. Медленно, по крупицам создавала ощущение тебя рядом, грела воспоминание о твоих пяточках своим дыханием, сквозь воздух бережно сжимала смелую тёплую ладошку и долго прислушивалась к тихому шелесту твоего сердца за закрытыми дверями реанимации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.